

Проблема государственного террора в философии А. Камю

А.А. Исаев

*кафедра социально-гуманитарных дисциплин,
Уфимский юридический институт МВД России
450091, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2*

Бунтари и террористы напоминали о себе практически во все времена. Однако сегодняшних террористов отличает ярко выраженный экстремизм и безапелляционность. Для них нет ничего святого. Терроризм приобрел массовые масштабы. И это, к сожалению, примета нашего времени. Осознание данной проблемы возможно различными путями. И не последнее место среди этих путей занимает путь философского осмысления причин, условий и особенностей современного терроризма.

Одним из тех, кто глубоко и проникновенно занимался данными вопросами, был французский философ-экзистенциалист А. Камю. Наиболее ярко свои мысли по этой проблеме он выразил в одном из самых известных и значимых своих трудов – эссе «Бунтующий человек». Камю писал это произведение в 1950 году, когда сталинизм достиг апогея своего могущества, а марксизм превратился в государственную идеологию, система распространилась на Китай, началась война в Корее. Безусловно, эти исторические события не могли не повлиять на политические и философские воззрения французского мыслителя. В «Бунтующем человеке» он рассматривает теорию и практику протеста против власти на протяжении столетий, критикуя диктаторские идеологии, в том числе коммунизм и прочие формы тоталитаризма, которые посягают на свободу и, следовательно, на достоинство человека.

Что же является главной темой эссе? Отвечая на этот вопрос, автор вступительной статьи к произведениям французского философа А. Руткевич пишет: «“Бунтующий человек” – это история идеи бунта – метафизического и политического – против несправедливости человеческого удела. Если первым вопросом «Мифа о Сизифе» был вопрос о допустимости самоубийства, то эта работа начинается с вопроса об оправданности убийства. Люди во все времена убивали друг друга, – это истина факта. Тот, кто убивает в порыве страсти, предстает перед судом, иногда отправляется на гильотину. Но сегодня подлинную угрозу представляют не эти преступные одиночки, а государственные чиновники, хладнокровно отправляющие на смерть миллионы людей, оправдывающие массовые убийства интересами нации, государственной безопасности, прогресса человечества, логикой истории»¹. Здесь уместно привести определение идеологии, которое дает К. Ясперс в своей работе «Истоки истории и ее цель» (1948 г.): «Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации»². Немецкий философ сам приводит примеры идеоло-

---

© А.А. Исаев, 2010.

¹ Руткевич А. Философия А. Камю // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 17.

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991. С. 146.

гической аргументации, когда подлость людей успокаивает их совесть: «В тех случаях, когда государство прибегает к явно преступным действиям, эта аргументация гласит: государство греховно по самой своей природе, я тоже грешен; я повинуюсь требованиям государства, даже если они греховны, потому что я и сам не лучше и потому, что это мой долг перед родиной¹. Однако, по существу, все это выгодно для того, кто таким образом оправдывает свои действия, он – соучастник и извлекает из этого пользу; его искаженное лицо говорит о терзаниях, которых он в действительности не испытывает, это просто маска. Греховность используется здесь как средство успокоения»².

Камю – современник XX века, в котором человек оказался перед лицом тоталитарных идеологий, служащих оправданием убийства. Главная проблема, которую усматривает здесь французский мыслитель, заключается в том, что сами эти идеологии родились из идеи бунта, преобразившейся в нигилистическое «все дозволено». Он рассматривает и трагедию философии, превращающейся в идеологию, оправдывающую государственный террор. Переломным моментом в резком усилении могущества государства послужила первая мировая война, которая, как утверждает Камю, разделалась с остатками «божественного права». Государство взяло на себя функцию созидания «града людей» взамен разрушенного «града божьего». Об этом и пишет философ в своем эссе: «После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях – террористического»³. Террор тем самым приобретает государственные масштабы. Главную «заслугу» в этом Камю приписывает Муссолини и Гитлеру: «Они первые построили государство, исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что история – всего лишь случайное противоборство сил»⁴. На примере нацистской Германии французский философ прослеживает путь: к чему может привести подобная политика. В 1933 г. эта страна принимает низкопробные ценности, более того – она пытается навязать их всему миру. Это мораль уголовного мира, и Германия поплатилась за это: «Германия потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом местечковым политическим мышлением»⁵. Вера в тотальность государства, а значит и в тотальную правдивость его устремлений, приводит, в конце концов, к видению тотальной опасности, нависшей над данным государством или нацией. Исходя из этого, государство пытается защитить себя террором и оправдывает этим свой террор: «...Вечные поиски врага предполагают вечный террор – теперь уже на государственном уровне. Государство отождествляется с «аппаратом», т.е. с совокупностью механизмов завоевания и подавления. Завоевание, обращенное внутрь страны, называется пропагандой или репрессией. Направленное вовне, оно порождает военную экспансию. Таким образом, все государственные проблемы милитаризуются, переводятся в область насилия»⁶.

Государственный террор гитлеровской Германии Камю считает иррациональным. Любые попытки посягнуть на суверенитет народа, который якобы охраняется фюрером

¹ В этой связи вспоминаются слова Ивана Грозного из недавно вышедшего на экраны фильма Павла Лунгина «Царь»: «Как человек я грешен, но как царь-то я – праведник!».

² Ясперс К. Ук. соч. С. 147–148.

³ Камю А. Бунтующий человек // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 255.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Там же. С. 258–259.

при помощи партии, должны решительно пресекаться. В такой ситуации человек, по выражению французского философа, исчезает. Ибо, являясь членом партии, он превращается в орудие фюрера, винтиком «аппарата», а будучи врагом фюрера, он перемальвается жерновами этого «аппарата». Машина направлена на уничтожение человеческого в человеке: «Иррациональный порыв, порожденный бунтом, направлен теперь только к одному: подавить в человеке то, что не позволяет ему стать простым винтиком, то есть его страсть к бунту... Иррациональный террор превращает человека в вещь, в «планетарную бактерию», согласно выражению Гитлера. Он ставит своей целью не только разрушение личности, но и уничтожение заложенных в ней возможностей, таких как способность к мышлению, тяга к единению, призыв к абсолютной любви»¹.

Иррациональность гитлеровских преступлений Камю доказывает на примере уничтожения деревни Лидице. «Гибель этой деревни, – пишет французский писатель, – показывает, на какие зверства способно иррациональное мышление, подобного которому невозможно отыскать в истории»². Действительно, как можно разумно объяснить тот факт, что в течение нескольких месяцев специальные воинские бригады расчищали пепелище деревни при помощи динамита, вывозили обломки камней, засыпали пруд, отводили речку в новое русло и даже разравнивали дорогу, которая вела к деревне? Все это делалось для того, чтобы от Лидице не осталось ровным счетом ничего. В довершение ко всему каратели опустошили местное кладбище, которое напоминало о существовании деревни. Этому нет объяснения, ибо в этих действиях нет никакой логики.

Нацистская Германия во главе с Гитлером попыталась создать религию на основе идеи уничтожения, и эта попытка привела к уничтожению самой этой религии. Камю вспоминает гегелевское отрицание, призванное созидать. Но в данном случае отрицание было лишь разрушительным, а Гитлер остался для своего народа и для всего мира воплощением истребления и самоистребления. Французский философ называет его единственным в истории тираном, не оставившим после себя ничего положительного. Думается, что нижеприведенные слова Ясперса вполне могут выступить характеристикой личности и деяний Гитлера: «Человек участвует в страшных делах и говорит: жизнь сурова. Высокие цели нации, веры, будущего подлинно свободного и справедливого мира требуют от нас этой суровости. Такой человек суров и по отношению к самому себе; но эта суровость не опасна, отчасти даже приятна, так как создает видимость подлинности этих суровых требований, а в действительности лишь маскирует безудержную волю к жизни и власти»³.

Претендуя на руководящую роль в мире, фашисты, по мнению Камю, никогда всерьез не помышляли о создании вселенской империи. «Русский же коммунизм, – пишет французский философ, – напротив, как раз в силу своего происхождения открыто претендует на создание всемирной империи. В этом его сила, его продуманная глубина и его историческое значение... Это первое в истории политическое учение и движение, которое, опираясь на силу оружия, ставит своей целью свершение последней революции и окончательное объединение всего мира»⁴.

Русский коммунизм, в отличие от германского фашизма, рационален: «...Русский марксизм в общем и целом отвергает мир иррационального, хотя очень неплохо умеет

¹ Там же. С. 260.

² Там же. С. 261.

³ Ясперс К. Ук. соч. С. 148.

⁴ Камю А. Ук. соч. С. 262–263.

им воспользоваться. Иррациональное может служить Империи, а может ее и подорвать. Оно не поддается расчету, а в Империи все должно быть рассчитано. Человек всего лишь игрушка внешних сил, которыми можно рационально управлять»¹. И хотя Ленин борется против терроризма, считая его «напыщенным и бессмысленным позерством», но это относится только к одиночным борцам. Отречение от бунта происходит ради Империи и рабства. Под знаменем идеи свободы свершается тотальный террор: «Отдельные личности при тоталитарном режиме поработаны, хотя человеческий коллектив можно считать свободным. В конце концов, когда Империя освободит весь род человеческий, свобода будет царить над стадом рабов, которые, по меньшей мере, будут освобождены от Бога, да и вообще от всего трансцендентного. Именно здесь проясняется пресловутое диалектическое чудо, переход количества в качество: всеобщее рабство выступает отныне под именем свободы»².

Трагедию русской революции («величайшей в истории») французский писатель видит не в том, что она стремилась к справедливости посредством беззакония и насилия (этого было сколько угодно во все времена), а в том, что она соединяет нигилизм с современным разумом, претендующим на универсальность, но в то же время концентрирующим в себе все человеческие увечья и уродства. Человеческое вытесняется из человека во имя истории и ее целей: «Притязания вселенского Града сохраняются в этой революции только за счет отрицания двух третей человечества и наследия веков, за счет того, что природа и красота отрицаются во имя истории, а человек лишается силы своих страстей, сомнений, радостей, творческого воображения – словом, всего, что составляло его величие. Принципы, избираемые людьми, в конце концов берут верх над самыми благородными их стремлениями»³.

Камю пытается провести сравнение между фашизмом и русским коммунизмом, которое на первый взгляд приводит к их отождествлению: «Те, кто рискнул ринуться в историю во имя иррационального, говоря, что она лишена какого бы то ни было смысла, находят в ней рабство и террор и в конце концов оказываются в мире концлагерей. Те, кто ломится в нее, проповедуя абсолютный рационализм, находят то же рабство и террор и упираются в ту же лагерную систему»⁴. Фашизм пытался обозначить пришествие ницшеанского сверхчеловека, но человек, претендующий стать Богом, должен присвоить себе право на жизнь и смерть других людей. Так он становится «поставщиком трупов», «гнусным прислужником смерти», превращаясь в недочеловека. Рациональная революция стремилась реализовать всечеловека, появление которого предсказывал Маркс. Но, приняв логику истории в ее тотальности, она все сильнее калечила человека, превратившись в итоге в объективное преступление. О том, как иррациональная и рациональная тотальности воздействуют на личность, перестраивая ее для своей выгоды, Камю пишет: «...Только дошедший до иррационального остервенения зверь в человеческом обличье может додуматься до садистских пыток людей, чтобы выбить у них согласие. В этом случае происходит как бы омерзительное совокупление личностей, из коих одна подавляет другую. Представитель рациональной тотальности, напротив, довольствуется тем, что позволяет вещному началу в человеке одержать верх над личностным. Сначала посредством полицейского промывания мозгов высшие ду-

¹ Там же. С. 303.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 305.

⁴ Там же. С. 310.

ховные начала в человеке сводятся к низшим. Затем следует пять, десять, двадцать бессонных ночей, в результате которых появляется на свет новая мертвая душа, проникнутая иллюзорной убежденностью. С этой точки зрения единственная подлинная психологическая революция нашего времени после Фрейда была осуществлена органами НКВД и вообще политической полицией»¹.

Французский философ приходит к выводу, что между фашизмом, являющимся воплощением иррационального государственного террора, и русским коммунизмом, осуществляющим государственный террор на основе рациональности, нельзя поставить знак тождества: «Было бы несправедливо отождествлять цели фашизма и русского коммунизма. Фашизм предполагает восхваление палача самим палачом. Коммунизм более драматичен: его суть – это восхваление палача жертвами. Фашизм никогда не стремился освободить человечество целиком; его целью было освобождение одних за счет порабощения других. Коммунизм, исходя из своих глубочайших принципов, стремится к освобождению всех людей посредством их всеобщего временного закабаления. Ему не откажешь в величии замыслов. Но вполне справедливо отождествление их средств – политический цинизм оба они черпали из одного источника – морального нигилизма»².

Интересно, что еще в первой половине 30-х гг. XX века русский философ Н.А. Бердяев в своей работе «Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи» анализирует русский коммунизм и фашизм как явления мировые, называя их «детонацией войны». Он так же замечает: «Фашизм же есть не только порождение войны, но и реакция против коммунизма»³. Несчастья и унижения немецкого народа породили фашизм. Далее русский философ переходит к мысли о том, что и коммунизм, и фашизм восстают против вырождения формальной свободы, означающей скептицизм, безверие и равнодушие к истине. Но это восстание не приводит к реальной свободе человека как целостного существа. Фашизм и коммунизм лишь переходят к формальному и реальному отрицанию свободы. Свобода и личность отрицаются в духовном смысле: «Совершается великое предательство относительно человека. Человек перестал быть верховной ценностью, он подменяется иными ценностями, которые стоят не выше, а ниже человека. Наша эпоха ставит вопрос, будет ли дальше существовать человек, или он будет заменен совсем иным существом, которое будет выработано дрессировкой социально-классовой или государственно-расовой»⁴. Тут вспоминаются рассуждения Камю о нищепанском сверхчеловеке и всечеловеке Маркса.

Сравнивая взгляды идеолога фашизма Муссолини и идеолога коммунизма Маркса по поводу конфликта личности и общества, Бердяев находит, что они схожи: «Для Муссолини абсолютным становится государство, для Маркса абсолютным становится общество, но принцип один и тот же, одинаково отрицается вечный трагический конфликт личности и государства, личности и общества и отрицаются неотъемлемые свободы личности»⁵. Русский философ предвидел время диктатур с их тягостными последствиями. Избежать их можно было бы, по его мнению, лишь моральным перерождением и проявлением творческой духовной силы. Как мы уже знаем, к сожалению, этого не

¹ Там же. С. 304.

² Там же. С. 310.

³ Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. М., 1994. С. 337.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 339.

произошло. Бердяев предостерегает нас, и его слова не потеряли своей актуальности и сегодня: «Мир вступает в периоды, когда свобода духа агонизирует. Человек потрясен до своих первооснов процессом дегуманизации. Идеал человека померк. Это очень мучительный переходный период. Человек, может быть, должен быть распят, умереть, чтобы ожить для новой жизни. Ни коммунизм, ни фашизм не есть еще эта новая жизнь, это лишь переходные формы, в которых элементы правды перемешаны со страшной неправдой. Эти переходные формы порождены несчастьем и нуждой, они не от творческого избытка родились. Все старые авторитеты рухнули, и миру грозит анархический распад»¹.

Французский философ, писатель А. Камю во второй половине XX века так же искренне «болел» за человека и человечество, видя огромную опасность в государственном терроризме, уничтожающем все человеческое в человеке, калечащем личность. В этом смысле взгляды Камю и Бердяева созвучны друг другу. В этот же ряд можно поставить и немецкого философа К. Ясперса. Вот как характеризует его антитоталитаристскую² деятельность П.П. Гайденко: «В послевоенные годы Ясперс – один из духовных лидеров Германии. Он обращается к соотечественникам не только в своих книгах и статьях, но и в выступлениях по радио, и везде его главная мысль – как спасти человечество от тоталитаризма, этой главной опасности XX века, ввергающей людей в кровавые революции и истребительные войны. Обращение к гуманистическим традициям – к Лессингу, Гете, Канту – вот один путь, который видится здесь Ясперсу; другой – более серьезный, более надежный путь для всех, кто утратил непосредственную жизнь в традиционной ее форме и пробудился к автономии, к духовной самостоятельности, – обретение философской веры»³. Безусловно, основанием такой деятельности немецкого мыслителя явился непосредственно пережитый им опыт нацистской диктатуры и размышления над природой и истоками тоталитарных режимов в России, Италии, Испании.

Хотя творчество Камю вызвало после его смерти оживленные споры, многие критики считают его одной из наиболее значительных фигур своего времени. Он показал отчужденность и разочарованность послевоенного поколения, однако упорно искал выход из абсурдности современного существования: «Камю пытается найти ответы на смыслообразующие вопросы человеческой жизни и стремится выработать новый гуманизм, который объединил бы людей и принес им свободу»⁴.

Философия бунта Камю – выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопротивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека: «Камю выступает против революций, он – за постепенные реформы, в результате которых должна установиться человеческая солидарность, общий для всех людей смысл существования»⁵.

---

¹ Там же. С. 340.

² Конечно не в том смысле, о котором пишет сам Ясперс: «Там, где вера уже не является основой жизненных устремлений, остается лишь пустота отрицания. Там, где возникает недовольство собой, виновным должен быть кто-то другой. Если человек ничего собой не представляет, он по крайней мере "анти-«» (Ясперс К. Указ. соч. С. 148).

³ Гайденко П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса / Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991. С. 8.

⁴ Камю Альбер / Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-н/Д., 1995. С. 193.

⁵ Ильин В.В. История философии: Учебник для вузов. СПб., 2003. С. 434.